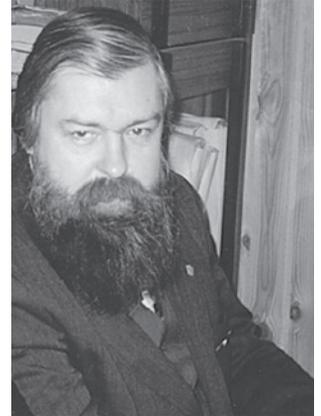

Струг истории

АЛЕКСАНДР НИКИТИН (1956–2005)
историк, православный писатель, автор книги
«Исследования и очерки к биографии А. В. Суворова».

Достопамятные русские святыни: Остров Северной Фиваиды

(К истокам христианского пустынножительства на Русском Севере)

Имя некогда процветавшего арабского городка Луксора почти никому уже не напомнит «стовратной» столицы и первосвятынища Древнего Египта. Лишь обломки грандиозных храмов «всемогущего царя богов» Аммона-Ра безгласно свидетельствуют дотошным археологам о благоговейном трепете простого египтянина, ступавшего на священную землю города древних Фив — богатейшего, загадочно-мистического, навсегда разрушенного в 84 г. до Р. Х. бессмысленным бунтом темной толпы.

Превратились в прах столпы, стояла и верей фиванских святилищ. Но наполнилась древняя земля новыми храмами и молитвами подвизавшихся на ней первохристианских отшельников, явились чудесные плоды святости, оросилась пустыня духом истинной веры!

Прошло много веков, но память о дивном христианском обновлении некогда заброшенных и разоренных земель Фив, с легкой руки историка церкви А. Н. Муравьева, неожиданно обрела свое новое звучание в образном прозвании Святой Руси «Северная Фиваида». Наиболее контрастно и вместе с тем потаенно-созвучно оказалось это понятие духу нашего северного края, где вознесенные на высокие холмы и крутые берега рек,

упрятанные в непроходимые чащобы лесов и в отрешенные от мирской суеты «медвежьи углы» российской глухомани, стоят воистину «в разселинах каменных, островах же морских» многочисленные святые обители — монастыри, пустыни, скиты.

Богатые и скудные, по-северному нестяжательские, — с церквами в память славных побед и достижений отеческих благочестием светских владык и по наказам князей отстроенными, — жили во славу Божию и благоукрашались величием молитвенного гения и духовной силы святорусского человека эти чудные духовные острова! В тишине келий переписывались древние книги, создавались летописные своды, творилась музыка знаменного распева и писались сурово-отрешенные образа. Из нагромождения «риторския премудрости» возводилось стройное здание русской православной теологии. Денно и ночью теплилась, горела негасимая иноческая молитва — предстательство за Царя, христоролюбивое воинство, богохранимую землю Русскую и «вся православных христиан»!

Со своими подъемами и упадками, событиями церковно-исторической и общерусской значимости эта насыщенная, вовсе не безучастная к судьбам чуждого мира высокодуховная жизнь текла в стенах древних обителей до печально известных событий начала XX века. И сегодня «града взыскующему» современнику предстают лишь поруганные, разоренные, сиротливо вознесшиеся в высь равнодушного северного неба — развалины...

I

В одном из таких мест «Северной Фиваиды», где река Кубена приближается к месту впадения в Кубенское озеро, множество мелких речек и протоков образуют живописные, покрытые лесом острова, — хоть вторую Венецию строй! А по берегам стоят еще старинные глухие северные селения: Устье Кубенское, деревня Чирково с Афанасьевской церковью, точно обетная свеча поставленной на крутой Лысой горе, и рабочий поселок Лесозавод. С первым плеском о борт свежей озерной волны предстают среди водной глади увенчанные ажурным северным крестом, величественные даже в своем нынешнем виде руины. Кого о них ни спроси — от седобородого старика до босоногого мальчишки — ответят:

— Спас Каменной!

Но никто уже не расскажет о славном прошлом заброшенной нынче обители, словно и не происходило здесь тех событий, описывая которые ученый иезуит иеромонах Иоанн (Кологривов) в заморском «немецком» городе Брюсселе назвал Спасо-Каменный монастырь третьим, — после Сергиева и Кириллова, — духовно-географическим центром Святой Руси.

Пустынничество здесь началось еще семьсот лет назад в то тяжелое время, когда орды диких всадников на лохматых низкорослых лошадях вторглись сметающей все на своем пути лавиной в пределы Южной Руси: запылали разоренные, разграбленные, поруганные монастыри! Уцелевшие иноки смиренно взяли каличий посох и, мирским подаянием кормясь, отправились в недоступные для огня и меча северные земли...

Долог и тернист был путь по езжалым дорогам и нехоженным тропам, многие из странников занедужили и рассеялись по встречным селениям. И лишь Господу ведомы имена старцев и юных, упокоившихся навеки под придорожными поклонными крестами...

Но остальные, ведомые наитием Святого Духа, шли дальше и дальше — от зарева пожарищ агарянского безбожного разорения.

Однажды среди дремучих лесов чуть ли не на краю света открылась нескольким из таких иноков большая озерная гладь с каменистыми грядами над водой. Самое обширное из каменных возвышений дна — целый остров — привлекло их внимание. И неспроста: древние пустынники точно избирали места своего поселения и в выборе руководствовались вовсе не суетной пользой удобств проживания и пропитания. Чуткие и истонченные непрестанной молитвой, их души безошибочно узнавали в незнакомых доселе местах, на потаенных островах святости — неведомые, нематериальные силы, восходящие от земли к небесам! И открывшаяся инокам спокойная водная гладь, и протянувшаяся далеко в озеро каменистая отмель из мелких булыжников и крупных валунов, названная ими позднее островом Каменным, — все это стало для них землей обетованной, градом духовным, русским «пешешествующим Израилем»...

Так в XIII столетии в глубине северной страны русских земель, среди дикой корелы и чуди белоглазой собралась и обосновалась одна из первых общин христианских пустынников.

II

Княжество Белозерское, расположенное на берегах Кубенского озера, не принадлежало к числу благодатных уделов. А потому, после мученической кончины плененного татарами на реке Сити (1238 г.) Святого благоверного князя Василька (Василия Константиновича Ростовского), именно младшему сыну его двухлетнему Глебу по принятому «лествичному» порядку наследования достался меньший и худший, но к тому времени самостоятельно сформировавшийся Белозерский удел.

Войдя в лета, молодой князь Глеб не пустился перекраивать священную волю святого-мученика отца, а смиренно принял за благоукрашение унаследованной им земли и немало в том преуспел. Будучи данником татар, он не щадил сил для избавления своих подданных от притеснений, не гнушаясь даже ради облегчения их участи угождать язычникам, подобно всем разумным русским удельным правителям того времени. Летописец так и сообщает: «...от юности своя по нахожденьи поганых татар нача служити им, и многи хрестьяны обидимыя от них избави». Кроме качеств мудрого политика, летопись указывает и на другие положительные стороны характера князя и рисует его перед нами человеком благочестивым, любителем церковного благолепия, добрым, милостивым и щедрым. «Многу милостыню убогим и нищим и странным подаваше... и многи церкви созда и украси иконами и книгами... и священнический и иноческий чин зело почиташе».

Дополняет образ князя Глеба Васильковича летописное свидетельство об устройении им первых на северных землях каналов в 1278 г., после чего спрямленные русла рек Вологды и Сухоны стали называться Княж-Глебовыми простями, прямизнами.

Одним словом, не каждый древнерусский князь предстанет перед нами с летописных страниц таким радетелем о благе своего удела, каковым являлся Глеб Василькович Белозерский: по кончине своей сорока лет от роду оставил он по себе добрую славу в памяти потомков, происшедших от него известных княжеских фамилий Белосельских-Белозерских, Вадбольских и Ухтомских.

Под властью первого Белозерского князя находились также и Вологда, и Устюг — крупные по тем временам и далеко отстоящие друг от друга города, успешное управление которыми требовало постоянного княжеского попечения. Нередко, облекшись в дорожные ризы, князь Глеб отправлялся в многоверстные, полные опасностей путешествия...

Так, летом 1260 г. снарядили белозерцы княженецкие струги на нелегкое плавание в далекий Устюг. Помолясь, отвалили. Стаей белых лебедей понеслись изящные ладьи по волнам Белоозера. Рекой Прозовицей спустились к Кубенскому озеру, всю ширь которого предстояло переплыть. И совсем было решились вырваться из спокойных речных берегов на широкую озерную гладь, да старые корабельщики отсоветовали: засвежело. И оказались правы. Десятидневной погибельной для утлых кораблей бурей обернулась легкая свежесть ветра. Во всю ту непогоду пришлось князю, «болярам» и отрокам его праздно простоять в устье Прозовицы, глядя на расходившееся

озеро. Только на одиннадцатый день ветер стал стихать. Обрадовался князь и, не слушая больше осторожных стариков, приказал плыть по еще бурлящим волнам.

Все шло благополучно, пока не доплыли до самого глубокого и опасно-го из-за обилия каменистых гряд места, называемого Карачаевой пучиной. А там «по устройению Божию воздвижесе туча сильна от западных стран с ветром велием и громом страшным, и молниями зельными, яко княжиим насадам покрыватися волнами». Разметало корабли путешественников, разлучило храбрых корабельщиков: кого потопило, кого невесть куда унесло. А побитый о камни княжеский струг с горсткой насмерть перепуганных людей, сбившихся под хлопающими обрывками паруса, — кидало, кренило и заливало немилосердными волнами вновь проснувшегося стихийного буйства. Никто уже не мог ничего сделать; каждый держался, лишь бы не быть смытым. В бессилии своем перед Господними силами и последний гребец сравнился с государем-князем своим. Оставалось только молиться, молиться горячо, истово и не книжными словами давно известных канонических молитв. Князь почувствовал, что вершится воля Божия. Приподнявшись над кормой, медленно осенил он себя широким двоеперстным крестом и, как ему показалось, прокричал:

— Господи Царю Небесный, в руке Твои предаюсь, но прибьет берегу... обитель святую!..

Следующий оглушительный раскат грома совпал с треском днища корабля, сильнейшей волной выброшенного на валуны Каменного острова. Еще хватило сил выбраться из струга на холодный и мокрый песок... А там лишь смутно виделись спасенным странные бородатые мужи в истрепанных длинных одеяниях — уж не скорый ли помощник всех плавающих Святой Никола-угодник с небесными заступниками?

Но то были двадцать три кубенских отшельника, направлявшиеся сквозь дождь в свою убогую часовню на праздничную молитву в день славного Спасова Преображения.

К вечеру скупые лучи августовского солнца озарили тихое озеро, посреди которого на Каменном острове белозерский властитель с кубенскими отшельниками молился об утопших братьях и готовился продолжить свой далекий путь.

После этого чудесного спасения в том же 1260 г. на острове, где еще недавно не было и церкви, по княжескому указу рубится небольшой Спасо-Преображенский храм и келии. Возвратившийся вскоре на остров князь Глеб с архиереем, большой духовной и светской свитой вручил рябиновый посох одному из пустынников — «богобоязливу» старцу Феодору, первому настоятелю новоосвященного Спасо-Каменного монастыря.

Так монастырь обрел в лице князей Белозерских щедрых благодетелей и деятельных покровителей. А потянувшиеся в новоучрежденную обитель богомольцы по всей Руси разнесли весть о новом святом месте — Спасе-на-Каменном.

III

Через сто лет, когда прослыл своим благочестием и укрепился отстроенный на высоких бревенчатых ряжах деревянный монастырь, случилось в его истории важное событие. Несколько кубенских иноков — последователей первых пустынножителей отправились в далекий град Москву просить великого князя Димитрия Иоанновича Донского назначить игумена во вдовствующую Спасо-Каменную обитель.

Не провинившегося святошу, и не знаменитого церковника, и не священноинока из многочисленных московских монастырей замыслил поставить на такое послушание великий князь. Выбор его пал на особенного человека.

В скромной келии Богоявленского монастыря (Китай-город) уединенно жил в то время иеромонах Дионисий. Известно было, что некогда он подвизался на Афоне, где и принял пострижение; затем — странствовал. Но никто не ведал: зачем этот таинственный подвижник пришел из дальнего Царьграда и о чем вел с ним долгие беседы князь Димитрий Иоаннович. И лишь по тому, что именно святогорец отправляется начальствовать над спасо-каменной братией, возможно было предположить, какие высокие замыслы относительно жизни северной обители замыслили осуществить два собеседника — правитель московский и будущий святитель православной русской Церкви.

При игумене Дионисии на рубеже XIV и XV веков начинается время особого процветания обители. Украшаются церкви Спасо-Каменного монастыря. Вводится суровый афонский устав. Но это не отпугивает, а умножает число братии, привлеченной духовной красотой строгой подвижнической жизни: устав Святой горы создавал все условия для сосредоточенного богомыслия, постоянной молитвы и спасительного самоуглубленного созерцания. Так по воле отца Дионисия протянулась связующая нить между заоблачной высью Святой горы Афон и затерянным в глубине северной земли островком среди волн кубенских.

Более двадцати лет игумен Дионисий Грек управлял обителью.

Спас-Каменный в эти годы — колыбель нестяжательского монашества и прообраз целого ряда подобных по духу монастырей в окрестных землях. От Дионисия приняли пострижение и отеческое руководство Дионисий Глушицкий, Александр Куштский и другие русские светильники.

В 1418 г. игумен Дионисий был вызван в Москву и хиротонисан в архиепископа, став первым архиереем из Заволжья. В монастырь он более не вернулся, его поставили на Ростовскую кафедру, где вскоре бывший кубенский игумен прославился благочестием и многими чудесами.

Спасо-Каменный монастырь хранил о нем добрую память. Преемники игумена-святогорца продолжили благоукрашение обители. А монастырский устав хотя и ослаб впоследствии, но сохранил основные свои строгости, в числе которых, как и на Афоне, было даже запрещение женщинам посещать сам остров, что сохранялось до 1774 г.

Пятым после Дионисия Грека настоятелем Спасо-Каменного монастыря стал местночтимый кубенский подвижник преподобный игумен Кассиан. Еще будучи молодым, в начале XV столетия принял он ангельский чин на Каменном, но потом перешел в Успенскую обитель, расположенную на берегах Сиверского озера. В 1445 г. он уже Кирилло-Белозерский игумен и значительный церковный деятель, известный даже в Москве. По благословению первого святителя Ионы — митрополита Московского и всея Руси именно он был послан великим князем Московским Василием Васильевичем Темным в недружественный Царьград для устройства разных церковных дел. По возвращении своем в начале 1450-х гг. Кассиан узнал, что братия Кирилло-Белозерской обители в его отсутствие почти полностью разрушила заповеданный ей устав. Игумен Кассиан не пожелал вновь войти в некогда любимый Кирилловский монастырь.

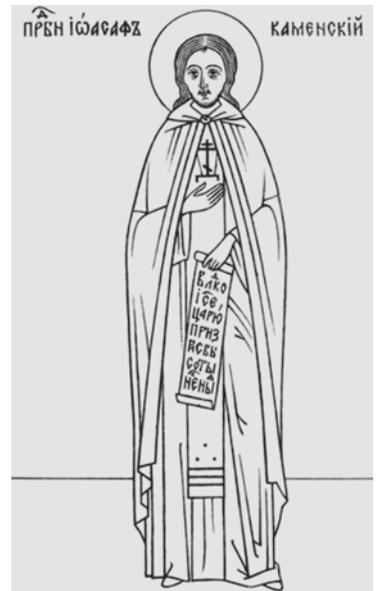
В уважение заслуг и трудов и в соответствии с высоким духовным саном ему благословлено было тогда начальствовать над спасо-каменскими насельниками. В их обители и прослужил он настоятелем до самой кончины своей, последовавшей около 1463 г. «И положено бысть тело его с полуденной страны церкви и по преставлении его просветится лице его аки солнце...»

IV

Обильные духовные плоды возросли на монашеской ниве Каменного острова в XV веке. Именно тогда, в 1450-е годы, подвизался здесь самый почитаемый и наиболее известный кубенский святой князь Андрей (в иночестве Иоасаф). Детство его прошло здесь же, на реке Кубене.

...На высоком берегу этой северной реки в деревне Чирково еще и сейчас стоит превращенная в магазин каменная Дмитриевская часовня. В 40-е годы XIX века она была сооружена взамен деревянной старинной, обозначавшей место престола одноименной церкви, в первой половине XV столетия возвышавшейся меж теремов удельных князей Заозерских — владельцев северо-восточных берегов Кубенского озера. Придворный княжеский храм был освящен во имя святого великомученика Дмитрия Солунского — небесного покровителя князя Дмитрия Васильевича Меньшого, последнего самостоятельного правителя этих земель. Княжич Андрей был младшим из четырех детей его.

В те времена молодых князей с детства окружала обстановка лихих военных набегов, охотничьих забав и шумных пиршеств. Но иную судьбу избрал себе юный Андрей Дмитриевич, с детства видевший благочестивые дела своих родителей, особенно почитавших иночество. Именно эта небогатая

Преподобный Иоасаф
Спасокубенский (†1453 г.)

княжеская чета его родителей как могла устроила Глушицкую и Куштскую обители, не забывали они и о Спасе-Каменном...

Но не сподобился князь-благотворитель Дмитрий Васильевич желанной мирной кончины. Он был убит в 1429 г. в Ярославле во время набега казанских татар.

Обрушившиеся на его семью последующие испытания уничтожили самостоятельность Заозерского удела и постепенно вовсе свели с политической арены саму отрасль этих ярославских князей. По прошествии некоторых лет занемогла и умерла его супруга. Последовали и новые бедствия: родственник князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в очередной раз начал междоусобную борьбу с великим князем Московским Василием Васильевичем, за что был лишен своих московских владений. Опала та распространилась на всех, даже на отдаленных его сродников. Коснулась она и Заозерского княжества, которое поделили между ставленниками московского правителя, — князьями Михаилом Андреевичем Можайским и Иоанном Андреевичем Верейским. А дети князя Дмитрия Меньшого остались и вовсе безудельными. (Потомки князей Заозерских впоследствии при Московском дворе прозывались князьями Кубенскими!)

После таких испытаний малолетнему князю Андрею Дмитриевичу, лишившемуся близких, покровителей, сподвижников, богатств и приобретшему лишь могущественных врагов, — оставался один путь: под клобук. И благочестивый духовный взор юноши обратился прочь от страшного и суетного мира, в келейную тишь и церковный молитвенный сумрак, на Каменный остров, где можно отрясти от усталых ног прах горячей родной земли...

В таком пылающем горнем устремлении не как князь и вчерашний властитель, но как смиренный паломник подошел под отеческое благословение преподобного игумена Кассиана отрок Андрей. Настоятель не спешил с ответом на слезную мольбу юноши о постриге, но, следуя долгу христианского пастыря и чувству осторожного политика, принял под свое покровительство опального князя, оставив в монастыре на правах послушника.

В положенный срок искуса благородный отрок мог сам воочию убедиться в скудости монастырского быта и трудности жития на Каменном острове. И уже не бегущее от несправедливости мира экзальтированное детище, но умудренный ранними невзгодами молодой духовный трудник принял иноческий постриг от игумена Кассиана.

Нового брата в знак высокого его происхождения нарекли во иноках Иоасафом в честь святого преподобного Иоасафа, царевича Индийского. Не случаен был выбор и духовного наставника, которым стал умудренный и образованный старец иеромонах Григорий. А после скорой кончины старца окормление инока Иоасафа продолжил сам игумен.

Духовные семена падали на благодатную почву. Принимая премудрость усердных наставников, исполнялся высоким духом северной нестяжательной святости молодой «Иоасаф-царевич», прозванный так простоватыми братьями-монахами — вчерашними крестьянами, оказавшимися Божьим волеизъявлением на равных со смиренным господином своим.

Несколько эпизодов особенно ярко характеризуют подвижничество Спасо-Каменского чудотворца.

Однажды в далекий монастырь на богомолье приехал молодой дядюшка инок Иоасафа князь Борис Васильевич Ржевский. Он посетил немало северных обителей, повидал богатые и скудные. Но плачевное убожество Спаса-на-Каменном, разыгравшаяся непогода на озере и до неузнаваемости изменившийся племянник — отрешенный юноша с неземным взглядом — произвели на него удручающее впечатление. Во время длительных монастырских служб не раз обращался князь к молитвенной мысли как-то облагодетельствовать сирую обитель. А когда по окончании молебна было провозглашено уставное многолетие высокому гостю «Благоверному государю князю Борису» и под затейливый, но унылый звук клепала братия и богомольцы отправились из храма, князь Борис остановил брата Иоасафа. Не зная, как приступить к исполнению своего благочестивого замысла, он попросту предложил племяннику взять денег, что ли, для братии, сколько ни пожелают.

— Злату и сребру — несть нам треба, — просто ответил инок и попросил дядюшку раздать деньги нищим, сиротам и вдовицам.

Преподобный Иоасаф является одним из редких русских святых угодников, кому являлся Сам Спаситель. На этот сюжет в XVIII в. была даже написана особенная икона, сопоставляя изображение на которой с описанием жития, можно попытаться воссоздать обстановку этого чудесного явления.

...Как и вчера, и позавчера, глухо шумели волны Кубенского озера за стеною незамысловатой кельи. Во тьме еле теплилась лампада пред образом Вседержителя. А преклонившийся инок вполголоса, но внятно и одухотворенно вычитывал давно известные, ставшие родными и утешительными слова молитв вечернего правила. В этот вечер особенно хорошо ему было совершать свою келейную молитву: словно неведомая неземная сила вселилась в него после причащения Святых Таин за литургией и уже не покидала, не затихала в ослабленном постом и болезнями теле юноши. С особенным воодушевлением молился молодой инок. А когда он, возвысив голос, стал торжественно в ночной тиши стихословить псалом, тихий свет вдруг осиял келью! Исчезли вечерний сумрак, бревенчатые стены, глухое озеро — все отодвинулось, потонуло в неведомо откуда пролившемся невещественном сиянии, из недр которого изумленный Иоасаф услышал тихие слова:

— Мир тебе, возлюбленный сродник мой!

Изумленный юноша не поверил своим ушам: уж не наваждение ли? Но от того, как легко возделась дрожащая длань для крестного знамения, рассеялись сомнения и все житейское, земное, тленное, потонув в светозарных лучах, объяввших инокa. И, не колеблясь больше, спросил Иоасаф:

— Я — раб Твой. Какая причина явлению Твоему, Господи человеколюбче?

Вырвался источник святости, связуя небеса и грешную землю: бысть глас ко угоднику! Спаситель обещал ради него одного наполнить окрестности Спасо-Каменного монастыря множеством подвижников. А на вопрос,

как избежать сетей вражиих и противостоять погибели спасения ради, — отвечал:

— Вера и исполнение заповедей Божиих.

Этим и жила вся Северная Фиваида до самого своего подневольного разорения.

Той ночью в середине глухого XV столетия сподобившийся чудесного явления юный князь Андрей-Иоасаф уже и не молился даже, а просто духовно ликовал, как ни одному смертному не доводилось. И лишь первые лучи показавшегося из-за озера солнца, пройдя сквозь тесное оконце кельи, пробудили от легкой дремы коленопреклоненного юношу с улыбкой на озаренном лице.

Эту чудесную беседу он хранил в тайне и открыл лишь отцу духовному игумену Кассиану, благодаря которому красивое предание увековечилась.

Скудные исторические сведения о Преподобном не донесли до нас упоминаний и о том — вероятно, неизлечимом — недуге, что наложил неотмирную печать на молодого инока. Шестнадцать лет от роду он почуствовал приближение кончины и удалился в затвор. Призвав игумена Кассиана с братией и завещав им нерушимое соблюдение общежительного устава обители, он мирно почил в Бозе «месяца септембрия в десятый день».

Хронология жизни св. прп. Иоасафа весьма туманна и запутана. Называются несколько дат кончины в 50–60-х гг. XV века, из которых, по нашему мнению, ни одну нельзя считать достоверной.

Останки его в особенной раке братия установила в древней деревянной Успенской церкви. Многие богомольцы потянулись в монастырь почтить его память. А иные из них, много лет недугующие и уже не надеявшиеся на исцеление, — чудесно выздоравливали. Это были люди самого разного состояния и звания, несть им числа! Да и кто бы взялся составлять тогда списки? Достаточно назвать лишь некоего Тимофея, излечившегося от лихорадки, и немого от рождения пятнадцатилетнего князя Романа Иосифовича Дорогобужского, обретшего «дар языка» перед мощами преподобного Иоасафа...

Таким образом возникло почитание нового угодника сперва только братией монастыря, а потом по всей Кубенской земле. И, наконец, в XVI в. день его преставления был внесен в общерусские святцы.

Тогда же неизвестным спасо-каменским монахом было составлено «Житие и похвальное слово Преподобному Иоасафу Каменскому». Творением того же инока, вероятно, является и служба местнопочитаемому святому, где в затейливой поэтической форме мелодичных стихов праздничных тропаря и кондака так характеризуется жизнь подвижника: «...яко леторасль живоносная в вертограде Церкви Божия процвел еси, Блаженне Иоасафе, плоды добродетелей возвращая и души верующих питая...»; «...яко черпалом златым от кладезя неископанного, чудес почерпал еси от источника неистошимаго...».

Автором жития явился еще один выдающийся постриженник этого монастыря — «благоговейный старец» игумен Паисий Ярославов, духовный писатель XV столетия. Оставив посох Троице-Сергиевского настоятеля и отклонив предложение об архиерействе, исходившее от кума его великого князя Московского Иоанна Васильевича (Третьего), он удалился житель-

становать на место пострижения, где в милом сердцу северном крае смог предаться духовным устремлениям нестяжательства. Наравне со знаменитым своим учеником святым преподобным Нилом Сорским, отец Паисий стал основоположником этого церковного течения, своеобразным «патриархом заволжских старцев». Предпринял он и разыскания исторических сведений о своей каменной пустыни, результатом чего и явился дошедший до нас труд, позднейшее название которого говорит само за себя: «Сказание известно о Каменном монастыре и о первоначальниках того монастыря от приснопамятного старца Паисия святого Ярославова. Той собра от многих от старых книг после пожара Каменского монастыря».

Материалом для составления жития послужили изустные предания старцев, а также оригинальное церковно-археологическое сочинение из истории обители — не будь которого, молчаливы были бы камни Кубенского острова...

Издравле на Руси в народном сознании судьба каждого дома связывалась с судьбой его святыни. Какова же была судьба святыни Спасо-Каменного монастыря — цельбоносных мощей Кубенского князя-инока?

Опустошительный пожар, случившийся 3 сентября 1472 г., уничтожил весь деревянный монастырь, но пощадил небольшую часть спасо-каменской святыни. Остатки св. мощей собрал устюжанин старец Мартиниан (Соколов) и, вложив их в особенный ковчежец, поместил под престолом восстановленной деревянной Успенской церкви. Позднее, взятые из ковчежца, частицы были заделаны в обложенный серебром трипядный крест.

В 1650 г., когда князь-инок уже около века почитался святым, архиепископ Вологодский и Великопермский Маркелл благословил архимандрита Спасо-Каменного монастыря, тоже Маркелла, устроить в Спасо-Преображенском соборе особенную раку для пощаженных огнем остатков святыни, на которую был бы возложен и упомянутый крест. А когда окруженный со всех сторон водой монастырь погорел еще раз в 1774 г., да так, что его упразднили, — то монастырская святыня переместилась в Свято-Духовский собор другого монастыря на окраине Вологды, который, после перевода в него погорелой братии, получил в 1775 г. название Спасо-Каменного Духова.

Возрожденному Спасу-на-Каменном его историческое наименование и святыня были возвращены лишь в 1892 г. Мощи, сохраняемые в ковчеге, поместили тогда под спудом в приделе во имя Чудотворной иконы Божией Матери «Утоли моя печали» монастырской теплой церкви.

Святыни пережили и разорение монастыря в советское время, сохранившись тогда в алтаре церкви Рождества Богородицы кафедрального Лазаревского храма города Вологды.

V

Во все времена на поклонение святыням Спасо-Каменного монастыря среди сотен паломников приходили значительные люди земли Российской.

Так, при игумене Евфимии в 1447 г. монастырь посетил развенчанный Московский великий князь, а тогда князь Вологодский Василий Васильевич Темный с супругой Марией и детьми. Особенно усердно на могиле един-

ственного тогда почитаемого спасо-каменского угодника преподобного Петра-чудотворца молился он о возвращении своем в престольный град. Именно здесь, в Спасо-Каменном монастыре, получил несчастливый государь радостную весть, что многие князья и бояре собираются в Вологде на помощь ему, желая восстановить его на великом княжении. В знак глубокого почтения украсил знатный богомолец место своего благовестия ценными дарами: преподнес образ Божией Матери Одигитрии и икону «Спас Эммануил», привезенную из Царьграда еще деду его — великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу Донскому. Эти древние иконы, вероятнее всего, сгорели в огне первого (1472 г.) опустошительного пожара, так как монастырская опись 1670 г. их уже не упоминает. Предполагается, что вкладом великого князя Василия Темного является и большая серебряная панагия с образом Вознесения Господня на лицевой стороне, попавшая после 1774 г. в вологодский Спасо-Каменный Духов монастырь и сохранившаяся поныне в фондах Вологодского областного краеведческого музея.

В 1455 г. пятнадцатилетний сын Василия Темного великий князь Иоанн Васильевич, соправитель Московского государя, посетил Спасо-Каменный монастырь и разделил трапезу с игуменом и братией. Тогда же по воле великой княгини Марии к монастырю была приписана основанная святым преподобным Дионисием Глушицким Никольская обитель на Святой Луке. А великокняжеские вклады умножились иконой Деисуса дионисиевой работы от другого государева сына — князя Андрея Васильевича Углицкого.

В декабре 1528 г. вновь игумен с братией благовестом встречают высоких гостей. Великий князь Московский Василий Иоаннович с супругой своей великой княгиней Еленой Васильевной (урожденной Глинской), с молитвою о чадородии совершая паломничество по Белозерским святым местам, посетили и Спасо-Каменный монастырь и пожаловали на замену наскоро восстановленной после пожара деревянной Успенской церкви — на каменный теплый храм с трапезной — целых «шездесят рублев денег». Молитвенная цель северного богомолья великокняжеской четы была достигнута: через два года неплодие княгини разрешилось рождением сына, нареченного Иоанном и получившего впоследствии прозвание Грозного Царя!

Памятуя о святых местах, где было вымолено его появление на свет, Иоанн Грозный также путешествовал по вологодским монастырям в мае-июне 1545 г. Но, будучи в семи верстах от Спаса-на-Каменном, в селении Устье, Иоанн Васильевич монастырь так и не посетил, — может быть, по причине непогоды на озере. Лишь шестнадцать лет спустя после этой поездки украсил он монастырскую звонницу обители своим царским усердным знаком: большим колоколом, отлитым московским мастером Лукой. Во время второго пожара 1656 г., от которого пострадала, в основном, Успенская церковь с колокольной и звонницей, этот колокол расплавился. Архимандрит Евфросин отправил «горелую медь» в Москву, где из нее отлили новые колокола.

17 июня 1870 г., следуя через Кубенское озеро к Вологде, а оттуда — в Архангельск, попутно посетил восстановленную под названием Спасо-Преображенской Белавинской пустыни обитель великий князь Алексей

Александрович, четвертый сын императора Александра II Освободителя. Встреченный на пристани высокий гость приложился к кресту, был окроплен святой водой и под звон во все тяжкие и монашеское пение тропаря проследовал в главный Спасо-Преображенский собор. Там после молебна, который приказано было свернуть «побыстрее», великий князь Алексей Александрович поклонился пустующей раке святого преподобного Иоасафа, не мешкая спустился в нижний этаж, где почтил память святого блаженного Василия, обозрел внутренность храмов «даже в св. алтарях» (как отметили в неофициальном отделе «Вологодских епархиальных ведомостей»), а затем, принятый в настоятельских келиях, изволил осведомляться о разных исторических обстоятельствах обители, — и уже через час продолжал свой путь. Пустынь на прощание получила дар: переданную через генерал-адъютанта Посыета «екатериновку».

VI

В продолжение двух первоначальных веков ее обозримой истории скромная северная обитель, имевшая две церкви — главную Спасо-Преображенскую и Успенскую, была полностью деревянной. Именно в таком деревянном монастыре подвизались все спасо-каменские святые, и именно такую обитель посещали первые высокопоставленные богомольцы.

Представляющий ныне столь плачевное зрелище бесформенных руин, Спасо-Каменный монастырь был когда-то строением благолепным.

Пожар 3 сентября 1472 г. уничтожил все монастырские строения с их внутренним убранством. Усугубился он сильнейшей бурей на озере, в волнах которого погибли многие насельники, пытавшиеся спастись от всепожирающего пламени. После этого бедствия монастырских скудных средств хватило едва лишь на скромное восстановление малой деревянной Успенской церкви.

Но на пятый год после пожара, в 1478 г., по повелению князя Вологодского, Кубенского и Заозерского Андрея Васильевича Меньшого — младшего брата великого князя Московского Иоанна Васильевича — в убогом Спасо-Каменном монастыре закладывается главный каменный Спасо-Преображенский собор, ставший тогда первым монументальным храмом северных земель. Собор строился безвестными ростовскими зодчими. Удельный князь не считался с затратами средств в этом благочестивом строительстве, и потому новый собор имел некоторые особенности. К примеру, стены его были сложены не из белого камня, как то было принято, а из надежных плинф тверского кирпича. Белый же камень пошел на отделку деталей, для чего возили его аж из самой Старицы на Волге. В 1481 г. строительство было завершено, и собор освятили.

Триста двадцать лет простоял он в своем первоначальном великолепии. И лишь в 1801 г. коснулось этого древнего сооружения модное, но достойное «лучшего» применения неумемное стремление к архитектурному украшению. Были сделаны каменные пристройки для придельных престолов

и паперти, столь уродующие мелкими членениями монументальные стены. А также добавились четыре малые глухие главки — бесполезное украшательство, увы, столь характерное для вкусов XIX столетия, следы которого Спасо-Преображенский собор носил до самых своих последних дней.

В 1930-е гг. этот некогда благоукрашенный главный монастырский храм, место упокоения святых кубенских подвижников и уникальный памятник русской архитектуры конца XV столетия, — а тогда всего лишь никому не нужную заброшенную «церкву-развалюху» — по решению местных властей, изрядно постаравшись, взорвали динамитом, дабы специально привезенный шестьсот лет назад тверской кирпич пустить на строительство колхозных амбаров и свинарников. Но тщетными оказались варварские усилия: ни одного целого кирпичика не удалось отколоть от гигантских циклопических обломков старинного собора, превращенного взрывом в монолитные глыбы.

С тех пор на забытом каменном острове так и находятся вместо Спасо-Преображенского собора его бесформенные останки — своеобразный памятник вредительского тщания «неверных человек», вознамерившихся вмиг распылить усердное мастерство старорусских зодчих и вековую молитву благоговейных иноков...

Несмотря на такую печальную судьбу главного монастырского собора, целому ряду предметов, составляющих некогда его убранство, удалось сохраниться до наших дней. Это, прежде всего, комплект евхаристических сосудов, изготовленный специально для нового каменного Спасо-Преображенского собора ко времени его строительства по повелению князя Андрея Васильевича Меньшого. Украшенные надписями серебряные потир и дискос хранятся ныне в Вологодском областном краеведческом музее. Там же находится и большая артосная панагия, упомянутый уже несколько выше и предполагаемый вклад Василия Васильевича Темного. Этим древним предметам удалось уцелеть благодаря перенесению всего убранства Спасо-Каменного монастыря в Вологду после третьего пожара 1774 г.

В Москве, в Государственном Историческом музее, тоже есть предметы, находившиеся некогда в обители на Каменном острове. Там, например, хранится кадило 1597 г. со звездчатой крышкой о восемнадцати гранях, представляющее собой весьма редкий образец, выполненный в некогда модном

«шатровом» стиле. Наверняка, и еще где-нибудь в музейных запасниках отложились старинные вещи — свидетели процветания благоукрашенного острова русской Северной Фиваиды.

Второй монастырский храм — малая Успенская церковь — отстроился в камне на семьдесят лет позже главного собора. Повеление о строительстве нового храма с трапезной и первоначальный денежный вклад сделал Великий князь Московский Василий Иоаннович во время своего посещения монастыря в декабре 1528 г. Выполнить государево повеление удалось лишь при новом правителе — Грозном Царе в 1543–1549 гг. Начал строить этот храм зодчий Пахомий Горяинов, а заканчивал — Григорий Борисов, крупнейший русский архитектор первой половины XVI века, возводивший трапезные храмы многочисленных монастырей Белозерья.

Новый трапезный храм получился столпообразный, с высокой колокольней, со звоном — над алтарем, престол которого был традиционно освящен во имя Божией Матери Успения; с запада к храму примыкала трапезная палата. Он сильно пострадал от второго, менее значительного монастырского пожара 24 августа 1656 г., когда, как писал келарь иеромонах Феодосий, «... и образы погорели, и церковные помосты обвалились, и своды каменные... нарушились и колокола розлились». Но каменное строение не сгорело полностью, а потому уже к 1670 г., хотя и скудно, но храм был восстановлен. Вероятно, именно тогда в измененном, по сравнению с первоначальным замыслом, виде была сделана глава, венчающая колокольню и поныне.

В традиционном посвящении Пресвятой Богородице была восстановлена эта церковь и при возобновлении монастыря в 1801 г. Но новый пожар, случившийся через полвека, в 1850 г., истребил ее внутреннее убранство. Ее главный престол был восстановлен уже как придел так называемой теплой церкви и посвящен Чудотворному образу Божией Матери «Утоли моя печали».

В советские времена Успенскому храму — памятнику архитектуры середины XVI в. — «повезло» больше, чем главному собору: его не стали взрывать «на кирпич». Но брошенная в небрежении старинная постройка постепенно разрушалась, — присматривали лишь за прочностью стен колокольни, так как установленный на ней огонь маяка превратил древний монастырь в этакий восстающий из пучины волн путеводный Фарос для терпящих бедствие кубенских рыбаков.

Кроме этих двух храмов, в 1558 г. была построена в монастыре и третья

каменная церковь над святыми воротами обители, бывшими на восточной стороне Каменного острова. Посвящена она была Усекновению главы святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна — в честь небесного покровителя царя Иоанна Васильевича Грозного, — но ничем особенным не отличалась. Она не восстанавливалась вместе со всей обителью в 1801 г. и была окончательно разобрана в 1813 г. Так в результате пожаров избылась в обители память о Грозном Царе.

VII

Удаленность Спасо-Каменного монастыря и уединенное его положение на острове посреди озера позволили использовать его не только для иноческих подвигов, но и как духовную темницу. В старые времена здесь томилось немало неугодных церковным властям людей, были тут смиряемы и князья церкви, и яростные ревнители древлеотеческой веры.

В 1520-е гг. попал сюда извергнутый из епископского сана инок Варсонофий, бывший смоленский владыка, связавшийся с ляхами и — вероятно, из симпатий к ним — пустившийся на дерзкую авантюру. Он сперва был активным сторонником сдачи Смоленска без боя войску великого князя Московского Василия Иоанновича. А когда город был все-таки сдан, спустя всего месяц (8 сентября 1514 г.) возглавил злодейский мятеж смолян против государя. Ничем хорошим это не кончилось: главари изменников были повешены на городской стене. Мятежный епископ препровожден в ставку великого князя в Дорогобуже, лишен сана и сослан до конца жизни в Спасо-Каменный монастырь.

Во второй половине XVI в. под иноческим клобуком в «безвестии скончал» свои дни на Каменном острове и другой несчастный владыка — бывший архиепископ Полоцкий Арсений (Шишка).

А в один из августовских дней 1653 года, вскоре после монастырского праздника, довелось Спасо-Каменной обители принять особенно знаменитого узника.

Внешность этого бородатого человека, одетого в скромную черную рясу, была обыкновенна: отсутствовали какие-либо явные атрибуты высокого отличия, — и лишь в горящем взгляде умных очей угадывался характер яростного и гордого взыскателя истины.

Когда конвоируемый вооруженными стражниками бодрый шестидесятидвухлетний старец ступил на землю Каменного острова, настоятель монастыря архимандрит Александр встретил его с крестом и святой водой как высокопочетного гостя, втуне трепеща во время уставного лобзания с пришельцем, о котором ходило столько слухов. Шутка ли, в Спасо-Каменную обитель был прислан первый и значительный противник соборного исправления церковно-богослужебных книг и обрядов, бывший настоятель московского Казанского собора, запрещенный в служении протопоп Гавриил (Иоанн) Неронов!

Некогда приближенного к царю Алексею Михайловичу церковного деятеля, сподвижника будущего патриарха на первоначальном этапе цер-

ковных реформ, а затем серьезнейшего противника святейшего Московского и всея Руси владыки Никона (Минова) на основании правила «аще кто из клира досадит епископу да будет низвержен» осудили соборно в июле 1653 г. Потом сослали, жестоко били, лишили скуфьи, а 4 августа того же лета и вовсе отправили из московского Симонова монастыря в далекий Спасо-Каменный «под крепкое начало».

Известность о. Неронова была столь велика, принадлежность к самым высшим церковным кругам столь определена, что казалось всем, — опале его долгой не быть. Потому и устроил ему торжественную встречу спасокаменский архимандрит Александр, надеясь и на свое скорое в царствующем граде возвышение, а то и на самое архиерейство.

Встречей не ограничилось ублажение знаменитого протопопа. Узник — «сей муж воистину желаний духовных, присланный от святителя патриарха с приставом... под начало» — по благословению настоятеля чувствовался выше келаря. Ему была отведена отдельная келья со слугой-послушником, положены прибавочный харч и квас, а в церкви — прислан от архимандрита новый войлок под ноги. Символическим духовником к московскому витии был приставлен тихий и полуграмотный старец иеромонах Григорий, предпочитавший ни во что не вмешиваться. Еще было разрешено состоять в качестве писца при о. Неронове его ученику, Златоустовского московского монастыря игумену Феокисту, также сосланному на Кубену. Написанное им по поручению своего духовного наставника письмо в Москву, а также послания самого протопопа Гавриила Неронова позволяют представить себе обстановку их спасокаменского заточения.

Приторные почести, оказываемые монастырским начальством, удивляли, а порой и раздражали о. Неронова. «Не на честь, рече, аз к вам прислан от святителя патриарха в монастырь, но под начало, — велено мне быть в хлебне и мука сееть, и ходить в черных службах...» Но ничто не изменялось в почетном захолустном затворничестве маститого протопопа.

Вскоре узник освоился со своим особенным положением и рьяно принялся за дело. Ночи напролет при тусклом свете лучины в убогой келейке далекого северного монастыря он диктует, правит, пишет сам, перечитывает и размышляет, отрешенно глядя в никуда — мимо образа, мимо стен кельи, сквозь отбивающего в углу поклоны «духовника» старца Григория, в какую-то лишь ему ведомую горнюю даль. Так создавались его гневные, обличительные, пестрящие цветами церковные послания к покровительствовавшей раскольникам царице Марии Ильиничне, к посреднику между раскольниками и патриархом царскому духовнику протопопу Стефану Волифатьеву и даже к самому Московскому царю.

И на Каменный остров, в убогую келью о. Неронова, вереницей потянулись подозрительные личности: «богомольцы, многих градов люди и дворяня», которых опальный протопоп принимал, благословлял, наставлял, отсылал с поручениями по градам и весям. Через них наладилась связь и с единомышленниками — небезызвестным протопопом Аввакумом Петровым; сподвижником и учеником священником Казанского собора о. Иоанном Даниловым, — грамотки от которых достигали Каменного. Шли месяцы,

и монастырскому начальству становилось очевидным, что за такое попустительство расколу можно и поплатиться.

Но на все еще можно было смотреть сквозь пальцы, когда бы не противился о. Неронов укоренившимся в обители порядкам, — обычное для того времени нарушение, с которым пытался бороться и сам святейший патриарх Никон. Во время церковных служб узник требовал от братии неукоснительно вычитывать все положенные псалмы, молитвы, творить все уставные поклоны, так что всенощное бдение иной раз затягивалось надолго. Не многим это нравилось. И потому возник в монастыре глухой ропот против новоявленного московского уставщика. Но о. Неронов не останавливался даже перед тем, чтобы и самому настоятелю строго указать на его нерадивость.

— Не отымай, отче, что во Святом Уставе положено! — громогласно заявлял он ему в соборе.

Постепенно усердная почтительность архимандрита Александра сменилась глухим озлобленным раздражением. И действительно: раскольник, еретик, запрещенный протопоп, сосланный под начало монастырский узник смеет указывать, распоряжаться, вмешиваться во все дела обители, а он — настоятель — тому как бы даже и потворствует!

Наконец, последняя капля переполнила чашу терпения.

Однажды в среду на трапезе подали рыбу, на что давно уже в монастыре не смотрели как на преступление. Отец Неронов опять не смолчал и снова высказался резко, яростно, красноречиво, от Священного Писания доказательно и громогласно на всю трапезную! А на суровый приказ настоятеля уняться в запальчивости отвечал:

— Яко же Златоуст Евдоксии в винограде вдовиц стужал, сице и аз не отступлю от тебе!

Братия в ужасе притихла.

Архимандрит Александр, услышав, что его уже арианским лжеучителем подобиют, — более не смог снести такого бесчиния и, бросив келейнику настоятельский посох, схватил о. Неронова за волосы и, бия по щекам, с громкими криками поволок ослушника по трапезе к дверям, где дюжие вологодские детинушки-чернецы заломали московскую церковную знаменитость и пинками отправили в келью под замок!

Оттуда его уже не выпускали. Посетителей его погнали в шею. Отцу Неронову запретили даже ходить в храм, где восстановилось прежнее привычное сокращенное служение. Пострадал заодно и келарь монастыря иеромонах Феодосий, в лице которого о. Неронов нашел единомышленника в борьбе с монастырскими беспорядками: его побили и заперли в келье на пять недель.

А в Москву, подумав, написали донос: «до чего-де нам от Иоанна протопоба дотерпели противится-де церкви...». В результате 1 июля 1654 г. протопоп Гавриил (Иоанн) Неронов был сослан в Кондолжский монастырь...

Другим монастырским узником XVIII столетия стал видный деятель первоначального синодального периода истории русской церкви архиепископ Ростовский и Ярославский Георгий (Дашков).

В результате происков всесильного вершителя церковных дел архиепископа Феофана (Прокоповича) владыка Георгий был лишен архиерейского сана и, переведенный из харьковского монастырского заключения, 28 декабря 1730 г. был упрятан под усиленный надзор в такое место, откуда не мог более быть опасным: в Спасо-Каменный монастырь.

Здесь в феврале следующего 1731 г. инок Георгий принял схиму с именем Гедеона.

Но такое смирение бывшего архипастыря только придало ему в глазах народа ореол мученичества за веру, — и, содержащийся как государственный преступник, он, однако, пользовался теперь особенным почетом со стороны братии и богомольцев, считавших его не простым схимником, но архиереем в схиме. Многие приходили к нему за благословением и разносили молву по Руси о невинно страждущем старце Гедеоне.

Слухи эти встревожили Петербург. От первенствующего члена Синода прибыл в Спасо-Каменный монастырь гвардии сержант с тремя солдатами для наведения порядка. А старца Гедеона подвели под новое следствие. В ход были пущены любые обвинения: и в схиму-то он пострижен незаконно, и по-архиерейски народ благословляет, и переписку крамольную с единомышленниками ведет. Затаскало его по следственным канцеляриям и монастырское, и епархиальное начальство, навело «шорох» на тихую обитель, приезжая с неоднократными обысками, в результате одного из которых нашли — таки доказательство злых козней схимонаха: старую чернильницу, упрятанную под полом келии.

20 марта 1733 г. последовал приказ из Тайной канцелярии усилить караул над Гедеоном. А на следующий год не вынес схимник лишений сурового заточения и на старости лет провозгласил страшные, леденящие душу слова «государева слова и дела»! Но было уже поздно: синодальные «доброжелатели» убедили государыню услатить старца Гедеона в Успенский Нерчинский

монастырь как человека опасного для государственного спокойствия. То и было в начале 1736 г. повелено, «не слушая никаких объявлений хотя бы о государевом слове и деле»...

Превращение монастыря в темницу не привело обитель к добру. 24 июля 1774 г. один из безумных колодников дьявольским наущением совершил

поджог монастыря. В результате случился третий опустошительный пожар, и сгорело все, что могло гореть.

Чудесным образом уцелела лишь гробница святого блаженного Василия с возложенными на нее тяжкими веригами подвижника, которые и поныне сохраняются для молитвенного поклонения кубенских христиан в Афанасьевской Лысогорской церкви.

В народе бытует мнение, что это якобы вериги св. прп. Александра Куштского, чего быть не может, так как сведений о ношении им вериг нет.

После такого бедственного разорения Вологодская епархиальная духовная консистория выразила намерение совсем упразднить древнюю обитель, что вскоре и повелено было исполнить. Братия с уцелевшим имуществом переместилась в Святодуховский Вологодский монастырь, который впредь стал именоваться Спасо-Каменным Духовым.

VIII

Двадцать шесть лет после этого обитель на Каменном острове оставалась в совершенном запустении, что немало огорчало кубенских жителей. В 1799 г. дворянство Вологодского и Кадниковского уездов, купечество ближайшего тогда уездного города Кадникова ходатайствовали перед Синодом о восстановлении монастыря, принимая на себя расходы по его обновлению и будущему содержанию.

Не только в Синод, но и лично императору Павлу I было направлено благочестивое прошение. Поверенным ходатаем в столицу по этому делу явился крепостной крестьянин вологодской помещицы В. В. Кожиной некий Василий Блохинов. Он и подал прошение, а вскоре через императорского адъютанта получил положительный ответ. Все, учрежденное в прежнее царствование, объявлялось вредным и изничтожалось, все упраздненное — возрождалось. Поэтому в начале 1801 г. согласно императорскому повелению Синодом был дан указ восстановить монастырь и перевести в него братию с имуществом Богоявленной Белавинской пустыни. Наименовать его повелевалось, — в отличие от вологодского Спасо-Каменного Духового монастыря, — Спасо-Преображенскою пустыню.

Цветущего состояния эта возрожденная обитель на Каменном острове достигла в 1812 г., когда военные бедствия нового «нашествия иноплемennых» разорили многие благолепные обители даже в Москве. Несколько десятков московских иноков, бежавших от нашествия «двунадесяти язык», было помещено в этой пустыни на Кубенском озере, и, окормляемые строителем иеромонахом Феодосием, они немало потрудились на благо ее. Ими была разобрана не восстановленная после пожара надвратная Предтеченская церковь середины XVI в., а кирпич употреблен для надстройки настоятельского и братского корпуса с подведением его под одну крышу с теплой двухэтажной церковью. Памятником их пребывания в монастыре остался придел во имя святителей Петра, Алексия и Ионы — Московских и всея России чудотворцев, бывший в нижнем этаже главного Спасо-

Преображенского собора. Но московские инок, оставив по себе добрую память, вскоре покинули пустынь.

Она вновь стала оскудевать. И по странной участи своей опять едва не погорела 18 августа 1850 г. Огнем были уничтожены все деревянные строения, две соборные главы и значительно пострадало внутреннее убранство Успенской церкви, после пожара упраздненной.

Во второй половине XIX века местные духовные и светские власти усердно предпринимали меры по поддержанию удаленной обители. В пустыни появился чтимый список с чудотворного Образа Божией Матери «Утоли моя печали». Большое количество богомольцев собирал день памяти святого блаженного Василия (2 августа) и местное празднование собора всех Вологодских чудотворцев (18 октября). В 1892 г. в обитель, названную своим историческим именем, возвратились святые мощи преподобного Иоасафа, после чего день празднования его памяти — 10 сентября — стал значительным событием во всей округе. После благолепной службы, совершаемой архиерейским служением в главном монастырском соборе, из монастыря выходил крестный ход и в лодках, на плотках — а при низкой воде прямо вброд по отмели, ведущей к другому берегу, — направлялся за семь верст в село Устье, где под благовест всех трех церквей был встречаем ликующими толпами принаряженных устьянцев. Кончались праздники — и монастырская жизнь вновь затихала.

Совершивший в 70-е гг. XIX века путешествие по Мариинской водной системе вологодский чиновник Ф. А. Арсеньев так писал о посещении Спасо-Преображенской пустыни: «Было уже около полуночи, когда мы тихо подплыли к монастырским стенам. Кой-где в кельях монахов уже мерцали огоньки. Мы постучались в ворота. Нас окликнули и впустили. Прием был самый радушный и ласковый. Обительская братия, разобщенная с живым миром водяной стихией, не часто видит в своих стенах посетителей. Однообразный вид озера, его пустынные окрестности, голый, лишенный всякой растительности остров, вечная вода перед глазами да небо — томят своим однообразием одиноких заключенников — здешних монахов. И рады-радехоньки они приезжему свежему посетителю, и не знают, как вдоволь угостить, ублаготворить его всевозможными яствами и питиями, какими только в состоянии располагать монастырское хозяйство».

Всякое разнообразие монастырской жизни совершенно прекращалось с наступлением суровых северных зим.

Нескончаемые метели, трескучие морозы, снежное бездорожье усугублялись еще и тем, что Спасо-Каменный монастырь, по удачному выражению князя П. П. Вяземского, «и в наше время еще переживает ледяной век и век движущихся камней».

Особенно в весеннее время при сильном западном ветре торосы озерного льда устремляются со всей шири озера на Каменный остров, загромождая монастырь со всех сторон и превосходя в высоту иногда даже трехэтажный корпус келий. При этом огромные камни в несколько сот пудов вытесняются льдами и обрушиваются на монастырские постройки. Так было в 1833 г., когда донныне лежащий на берегу валун в 500 пудов забросило на крышу братского

корпуса. В такие дни на две-три недели всякая связь монастыря с внешним миром совершенно прерывалась, и бывали даже случаи недостатка в припасах. И тогда среди треска громоздящихся глыб льда, падающих камней и завываний ветра немногочисленная братия древней обители собиралась в одном из своих храмов и противопоставляла неистовому буйству первобытной северной стихии усердную молитвенную службу Божию.

Естественно, что после того как монастырь был уже в советское время заброшен, суровая природа упорно продолжала уничтожение того, что не было разорено человеком. Сырой кубенский ветер быстро увеличивал грубо заделанные трещины в стенах Успенской колокольни, что, несомненно, должно было привести и к окончательной ее гибели.

Увидят ли следующие поколения соотечественников возвышающуюся над озером, словно надстройка корабля, малую главку с ажурным северным крестом? Только ли бесформенными грудями мусора предстанет на фоне низкого горизонта этот сказочный «остров Буян», еще способный каменными своими обломками напомнить коротающим ночь рыболовам о древнем острове русской Северной Фиваиды — месте первого христианского нестяжательского пустынножительства на Святой Руси? Но и в печальном своем запустении, упавши в прах и превратившись в пыль, мистический остров прозрения среди озера Кубенского, место неусыпной «умной молитвы», колыбель славной плеяды учителей нестяжательства — заволжских старцев — не может не хранить в себе потаенные ключи и скрытые до времени источники небесной святости.

1978 г.

Макет монастыря, отображающий все его постройки от начала строительства и до конечной даты существования

ОЛЬГА МУСАТОВА
журналист, исследователь
отечественной и зарубежной
мемориальной культуры

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Русский крест — болгарская канва

Память Болгарии о временах Освободительной войны 1877–1878 гг.

Освободительное движение на Балканах, получившее небывалое сочувствие в России в XIX в. и давшее толчок к славянофильской идее-мечте, что «без единящего огромного славянского своего центра — России — не бы- вать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам...», — подвигло и общество, и Императора к решительным действиям. Русские пи- сатели заговорили о необходимости освобождения поработенных братьев, частично придумали и воспитали болгарскую интеллигенцию, сформиро- вали ее лицо литературными образами Рудина, Инсарова и предопредели- ли путь искренних сердец. Задолго до царского манифеста об объявлении Русско-турецкой Освободительной войны появились не только сербские, греческие и болгарские патриоты, но и русские добровольцы. Возможно, «это потерянные люди, которым дома было нечего делать, поехавшие, чтоб куда-нибудь поехать, карьеристы, авантюристы»? Но они собирали вокруг себя неопытное балканское ополчение, погибали безвестными, не прио- бретя ни денег, ни чинов, и — делали невозможным для России не вступить всей своей мощью за страждущих братьев. Прозвучавший в 1877 г. манифест был воспринят почти как праздник. «Не характеризуется ли у нас каждый истинно порядочный человек ненавистью ко всякому насилию, произволу, притеснению и желанием помочь слабым и угнетенным!» — объяснял этот порыв И. С. Тургенев. «На Дунай!» — звал славянофил И. С. Аксаков. «Это неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять их, — эта давно уже теперь неслыханная в мире цель вой- ны для всех наших верующих явилась вдруг как факт, торжественно и знаме- нательно подтверждавший веру их!» — пламенно вещал Ф. М. Достоевский.

И, не пойдя войной эти странные русские, вдохновленные предстоящей миссией освобождения братьев-славян, не было б сегодня государства — Болгария. Но могла ли Россия в такой момент слышать другие голоса, призывающие заняться своими обездоленными и голодными — одним словом, «внутренним турком»?

«Нам кажется, во-первых, что у могущественного русского орла очень много своих домашних дел...», — рассудочно пытался охладить славянофильский пыл Н. Г. Чернышевский, убежденный сторонник того, что на Балканах, рано или поздно, сами справятся с турками.

«Россия еще недостаточно умом самобытна, и потому дурные политические и культурные примеры для нее опаснее политических врагов... Неужели не ясно, что племенная политика как правительство, так и самих наций есть в наше время не что иное, как одна из форм всемирной революции?» — неуслышанным остался почти одинокий голос К. Н. Леонтьева. Русский наэлектризованный «гарibaldiзм» вызывал резкий протест у М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Почти все у нас приходят к заключению, что мы накануне или обратного шествия или войны. Говорят даже, что обратное шествие — пожалуй, лучше, потому что с каждым днем яснее видно, что не только мы не встретим в случае войны сочувствия Европы, но не можем ожидать нейтралитета — даже Германии! Это очень грустно. Не будет войны — Болгария погибла...» (П. Д. Паренсов).

Но война «турке» объявлена, и началась она 15 июня 1877 г. блестящей операцией — форсированием Дуная. У Систова (Свиштова), места переправы, встал один из первых памятников, выполненный из камня и украшенный мраморными рельефами. На его восточной стороне перечислены все участники переправы — пехотные полки Брянский, Волынский, Минский, Подольский, Житомирский, Донской казачий 23-й полк, Уральская казачья сотня, две сотни Кубанского казачьего войска, три батареи 9-й артиллерийской бригады, саперные и понтонные батальоны. Место высадки русских войск на болгарский берег отмечено памятной плитой. В парке Освободителей (в настоящее время — исторический заповедник) сооружена была и первая братская могила, в которой нашли упокоение погибшие при переправе. Она занимает сто двадцать квадратных метров. Над ней высятся семьobelisks, увенчанных православными крестами, лежат под которыми более семисот простых солдат. По мнению военных, для такой тяжелой операции — это минимальные потери... Неподалеку еще шесть белых мраморных памятников, которые установлены на отдельных могилах: «54-го Минского полка прапорщик Римскин, того же полка прапорщик Федоров, 53-го Волынского полка штабс-капитан Яшинский, 55-го пехотного Подольского полка подпоручик Едан...».

В Болгарии, по официальным данным, до сего дня сохранено около четырехсот пятидесяти памятников освободительной войны, в России — ни одного. Самый неповторимый и впечатляющий — колонну Славы* перед Троице-Измайловским собором в Петербурге, составленную из стволов

108 трофейных турецких пушек, — разломали в 30-е гг. и, как «символ российского милитаризма», к тому же мешающий трамвайному движению, отправили на металлолом...

Слава русского оружия прогремела при взятии древней столицы Болгарии Тырнова, Горного Дубняка и Телиша. «Шествие наше по Тырнову происходило совсем как дома, где-нибудь в Малороссии; в деревнях выходил народ, кланялись, кричали „добре дошли“, „да живей царь Александр“, а где были церкви, то выходили и священники в облачении и с крестом...; флаги, цветы, триумфальные арки, „Боже, Царя храни“!» (П. Д. Паренсов). Но первые успехи и всеобщее ликование скоро разобьются о Плевну. Война разгоралась, и становилось ясно, что схватка с турками будет необычайно кровопролитной и жестокой. С обеих сторон применялось новое по тем временам оружие, но войска не обучены были, как следует, новым тактикам, и жертв оказалось чудовищно много. Обеим сторонам была нужна победа. Россия вступала в эту войну с твердым намерением исполнить высокую миссию защиты славянской братской Болгарии. Турция же в случае поражения вообще сходила с исторической сцены как могучая и влиятельная держава, что в дальнейшем и произошло.

Гривица. Мавзолей-усыпальница

В Велико-Тырново и поблизости — Горно-Студене, Свиштове, Джульонице, Елене, Златарице, Руховце, Стражице, Сушице и в других селах — появилось свыше пятидесяти новых захоронений и памятников Освободительной войны. Громадный братский холм в м. Русское Кладбище, братская могила в м. Святая Гора, памятник четырёмстам восьмидесяти пяти нижним чинам, погибшим под городом Елена, колокольня в центре города Белая Церковь, воздвигнутая в память оставшихся навечно в этой земле русских, и десятки других надгробий, плит, крестов — целых по сей день или полуразрушенных — свидетельствуют о высоком подвиге русского воина. Только в бою под Еленой погибло около двух тысяч солдат и пятьдесят шесть офицеров, но турок легло вдвое больше. «Назвать отличившихся в этом бою равносильно тому, чтобы назвать всех, — доносил в своем рапорте генерал Домбровский. — Все выполнили свой долг, все были готовы умереть, сражались и умирали, как подобает храброму русскому солдату...»

В центре Тырново на братской могиле стоит особый мемориал, который соединил память погибших русских в войнах 1877–1878, 1885, 1912–1913, 1915–1918 гг. Поставлен он в 1936 г.

Тринадцать памятников и поныне стоят в Горном Дубняке, шесть — в Телише. В одной из братских могил Лейб-Гвардии Гренадерского полка, сооруженной в октябре 1877 г. у села Горный Дубняк, покоится триста десять нижних чинов и семь офицеров. Рядом другой холм, под которым лежат более ста тридцати нижних чинов Лейб-Гвардии Московского полка. Позднее все памятники и могилы были объединены в исторический парк-музей генерала Лаврова, своеобразным центром которого стал мраморный обелиск памяти погибших лейб-гвардейцев Финляндского полка. На всех четырех сторонах этого памятника есть надписи: на первой сообщается о погибших финляндцах, на второй — о смертельном ранении генерала Василия Николаевича Лаврова, полковника Ельмара Федоровича Прокопе, подпоручика Сергея Михайловича Воробьева; на третьей — следующая надпись: «Убиты полковник Николай Федорович Ожаровский, поручик Николай Николаевич Пороженко, подпоручик Александр Федорович Гагман» и на четвертой стороне — самая короткая: «17 унтер-офицеров, один музыкант, 80 рядовых». В общей сложности, в боях под Телишем и Горным Дубняком русские войска понесли серьезные потери: погибли три генерала, сто двадцать шесть офицеров и свыше трех тысяч нижних чинов.

«Тут, у Горного Дубняка, мне впервые пришлось увидеть ужасы войны, страдания раненых, которых было множество; врачи перевязывали их на самом месте боя, при слабом освещении фонарей. Глухие стоны, вопли, истерические рыдания, иногда страшный вой, когда пилили без всяких необходимых средств, без анестезии, без анатомических столов, прямо на земле... Обходя перевязочный пункт, вернее целое поле, я видел множество офицеров и солдат, которым никакой человеческой помощи не нужно было. Они пали смертью героев во время боя... Все эти ужасы произвели на меня потрясающее впечатление...» (Н. А. Епанчин).

Сколько же сил и мужества надо было иметь женщинам на этой войне, если даже бывалые воины спустя много лет с такой болью вспоминают картины страданий! Сестры милосердия, начальницы госпиталей, матери, жены, невесты офицеров — вот «звания», которые давали пропуск на войну. А далее — все, как описал Тургенев в своем романе «Накануне», по образу Елены Стаховой, возведенной им в «перл создания», взятой за образец «новыми русскими» женщинами. «Строгое равнодушие к ненужным излишествам богатой жизни», «жажда деятельного добра» «ввиду беспомощной нищеты» — вот движители для чувствительных натур, ищущих действия, самоотдачи и подвига.

Первая «Елена» — баронесса Юлия Петровна Вревская, дочь генерала П. П. Варпаховского, свитская дама Е. И. В. Императрицы Марии Александровны, одна из красивейших женщин Петербурга, близкая приятельница писателя И. С. Тургенева. С начала войны она — добровольная сестра милосердия полевого отделения Российского Красного креста, прикомандированного к Свято-Троицкой общине сестер милосердия. И уже 19 июня 1877 г. вместе с десятью дамами высшего света Вревская работала в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале в г. Яссы (Румыния), а

с 20 ноября — в 48-м военно-временном госпитале близ г. Бяла (Болгария). В своем дневнике и в письмах эта самоотверженная женщина пишет: «Мы слишком утомились, дел было гибель: до трех тысяч больных в день, и мы в иные дни перевязывали до 5 утра, не покладая рук...» (г. Яссы). «...Поеду в дальний монастырь, где Дондукова-Корсакова; там, говорят, лазарет, в ужасном виде и нет ни одной сестры...» (г. Фратешти). «Я видела издали летящие снаряды и дым... К нам непрерывно приносили окровавленных офицеров и солдат... Весь день до поздней ночи мы их перевязывали. Нас было только трое сестер» (м. Обретеник). «Родной и дорогой мой Иван Сергеевич! Наконец-то, кажется, буйная моя головушка нашла себе пристанище, я в Болгарии в передовом отряде сестер... Живу тут в болгарской хижине, но самостоятельно. Пол у меня земляной, и потолок на четверть выше моей головы... всякая роскошь тут далека, питаюсь консервами и чаем, сплю на носилках раненого и на сене. Всякое утро мне приходится ходить за три версты в 48-й госпиталь... на 400 человек нас пять сестер, раненые все тяжелые... Я часто не сплю ночи напролет, прислушиваюсь к шуму на улице и поджидаю турок...» (г. Бяла). Сестра милосердия Юлия Вревская заразилась сыпным тифом, и, как всех опасных для окружающих, ее положили в отдельный сарай на солому, где она 24 января 1878 г. скончалась. Ей было 37 лет. Ее и умершую в те же дни от тифа Марию Неелову из общины сестер милосердия Святого Георгия похоронили выздоравливающие солдаты в ограде православного храма г. Бяла, поставив собственными силами скромный обелиск. Другой памятник — мраморная скульптура перед современной городской поликлиникой — был выполнен болгарским скульптором Радивоевичем и установлен уже в 1965 г.

Свыше тысячи сестер милосердия отправились только из Петербурга на Русско-турецкую войну. Многие из них погибли от болезней — в основном, от свирепствовавшего зимой 1878 г. тифа. В Болгарии сохранилась еще одна могила сестры милосердия — Ольги Карловны Мягковой (урожденной Петерсон), умершей в феврале 1878 г. в Горно-Студене и похороненной в ограде церкви Святого Димитрия. Тогда же скончались от тифа сестры милосердия Шарлота Рожковская и Александра Санфирская. Их могилы не найдены.

Еще один уникальный памятник стоит в м. Летница, неподалеку от города Ловеча. Надпись на болгарском языке свидетельствует: «Зимой 1877 г. в Летнице работала русская военная больница № 66 с 2000 раненых, размещенных в 320 домах. В начале ноября больницу посетил великий русский хирург академик Н. И. Пирогов, посланный Русским Красным крестом. 1977 г. Болгарский Красный крест».

Памятник на могиле сестер милосердия Юлии Вревской и Марии Нееловой

София. Общий вид Докторского памятника и фрагмент

Но вершиной любви и признательности всем медицинским служащим, погибшим во время освободительной войны, стал Докторский памятник, возведенный в Софии. Средства на него собирала вся Россия. Он сложен из гранитных блоков, на которых выписаны имена пятисот тридцати врачей, фельдшеров и сестер милосердия. Они достойны были и во сто крат большего памятника. И нельзя найти высших слов милосердному их подвигу, нежели евангельские: *«больше сия любви никтоже имат, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин. XV, 13).

Походные лазареты зачастую разворачивались в оградах храмов и монастырей, уцелевших от турецкого разбоя. Умерших от ран воинов тут же и хоронили. Десятки скромных воинских надгробий над печальными холмами сохранились и поныне в парке севернее храма Пресвятой Богородицы в Габрове. Братскую могилу защитников Шипкинского перевала, воинов 14-й пехотной дивизии — шестнадцать офицеров и четыреста шестьдесят пять солдат — венчает обелиск, который, судя по надписи, соорудил своим товарищам капитан Гасперский. Неподалеку надгробная плита с печальной и трогательной эпитафией: «Житомирского полка подпоручик Всеволод Кобрилянский, умер от ран на Балканах 16 августа 1877 г. на 21 году жизни. Сыну

и боевому товарищу — отец». Далее еще надгробные плиты: «Александру Викторову Гарнеру, корнету Гусарского полка, состоявшему ординарцем при генерале Радецком... 28 декабря 1877 г.»; «35-го Брянского полка майор Александр Малоствов, ранен 11, умер 13 августа 1877 г. Мир праху твоему, добрый товарищ».

Несколько могил в ограде женского монастыря м. Казанлык, где располагался один из передвижных госпиталей. Умерших от ран подпоручика Кузмина-Караваева, воина Венедикта Липскова, адъютанта Рафаила Тимофеева, штабс-капитана Н. А. Рогожина и безымянных нижних чинов схоронили в ограде монастыря боевые друзья. Есть такие же захоронения у церквей Святого Димитрия, Святого Георгия, Вознесения Господня, Михаила Архангела и повсюду, где проходили бои или стояли лазареты.

С этой войной связаны также имена известнейших русских аристократок — княгини Н. Б. Шаховской, попечительницы Зимницкого госпиталя, княгини Н. А. Хилковой, главной начальницы над сестрами милосердия

в александропольских госпиталях, княгини М. М. Дондуковой-Корсаковой, Ольги Скобелевой.

Последние дни Ольги Николаевны — трагическая история: 58-летняя вдова генерала Дмитрия Ивановича Скобелева и мать молодого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, отправившаяся в Болгарию вслед за сыном, была начальницей лазаретов. По окончании войны она занялась благотворительностью, организуя в городах и селениях школы, больницы, богадельни, приюты для сирот. Не было границ ее сочувствия и сострадания к нуждающимся. И ей отвечали повсюду взаимной любовью, но 6 июля 1880 г. у селения Чирпак Ольга Николаевна Скобелева была убита и ограблена. Это убийство потрясло всех, кто знал Скобелеву. В городе Филиппополе (ныне Пловдив), где она устроила и содержала приют для двухсот пятидесяти сирот, родители которых были перерезаны башибузуками, ей поставили первый памятник из мрамора с надписью: «С высокой целью пришла ты к нам. Но рука ужасная сократила дни твои. Святая, прости! (И. Вазов)». Позднее жители города возвели красивый монумент в виде круглой мраморной колоннады, в центре которой женщина обнимает и держит на коленях детей...

Всеобщий духовный подъем, который вел тысячи русских на помощь угнетенным своим братьям, хотя еще и оживлял сердца, но любая война, идущая ежесекундно об руку со смертью, отрезвляет и отсекает всякую выдуманную идеологию. Война становится исполнением долга, тяжелейшей работой, смертельной тренировкой духа и самообладания. И даже легендарный генерал Скобелев, гроза турок, прозванный ими «белым генералом», бесстрашно летящий ввиду неприятеля на белом коне, признавался своим сослуживцам, что испытывает огромное чувство страха, которое побеждает только молитвой и силой воли. «И те, кто видел его в бою, говорили мне, — пишет в своих воспоминаниях участник войны Н. А. Епанчин, — что лицо его страшно бледно; зная это, Скобелев надевал белый китель, ездил на белом коне, чтобы менее заметна была необычайная белизна лица, и казалось, что он совершенно спокоен...».

Подбодрить войска после понесенных потерь на позиции прибыл сам Император Александр II. Какое воздействие произвело это посещение на побывавших в страшных сражениях с турками усталых и измученных солдат, можно представить по рассказу В. М. Гаршина: «... И мне вдруг показалось, что от того, как посмотрит Государь, зависит для нас все. Когда мне впоследствии пришлось идти в первый раз под пули, я испытал чувство, близкое к этому... И он знал, что мы готовы умереть».

Генерал М. Д. Скобелев (1843–1882), «белый генерал». Фотография 1878 г.

Он видел страшные, твердые в своем стремлении ряды людей, почти бегом проходившие перед ним, людей своей бедной страны, бедно одетых, грубых солдат. Он чуял, что все они шли на смерть, спокойные и свободные от ответственности... Я помню бледное, истомленное лицо... помню судорожное движение руки, державшей повод, и дрожащие губы, говорящие что-то, должно быть, приветствие тысячам молодых погибающих жизней, о которых он плакал. Все это явилось и исчезло, как освещенное на мгновение молнией, когда я, задыхаясь не от бега, а от нечеловеческого, яростного восторга, пробежал мимо него, подняв высоко винтовку одной рукой, а другой — махая над головой шапкой и крича оглушительное, но от общего вопля не слышное самому мне „Ура!“».

Начальник Рущукского отряда Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Александр Александрович и командир 12-го Армейского Корпуса Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович.
Фотография 1878 г.

Царь был рядом со своими солдатами, он, так же как и они, мог быть сражен шальной турецкой пулей. Вид его, исхудавшего, с горящими глазами, красноречиво свидетельствовал о том, что он не имеет никаких особых условий. Накануне его приезда к войскам был смертельно ранен в голову царский племянник, князь Сергей Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский. На месте его гибели, неподалеку от с. Улея, почти сразу установили гранитный памятник, увенчанный двуглавым орлом... На войне были, ходили под турецкие пули многие Великие князья, сыновья Николая I — Николай Николаевич Старший, Михаил Николаевич; сыновья Александра II — Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович, будущий Царь Александр III — Александр Александрович и другие особы царской крови. Все они имели награды за свои ратные подвиги и возвратились в Россию.

В громадном военном пантеоне Болгарии нет могил погибших генералов: тела их вывезли и похоронили на русских кладбищах. Но имена и образы погибших и оставшихся в живых героев войны есть на символических обелисках, в мавзолеях, православных храмах, воздвигнутых в местах особенного подвига русского воинства. Таким предстает памятник в центре Софии Императору Александру II Освободителю, который еще называют просто памятником Освободителям. Это известнейшая скульптурная композиция стала уже определяющим символом столицы Болгарии. На гранитном постаменте конная статуя Императора. Вокруг постаamenta скульптурная композиция, во главе которой богиня Победы, ведущая вперед русские войска. На восточной стороне изображены на конях генерал М. Д. Скобелев и главнокомандующий Великий князь Ни-

колай Николаевич Старший, за ними — ополченцы в стремительной атаке. На западной стороне — генералы И. В. Гурко и Н. П. Игнатьев, ополченцы, донские и кубанские казаки. На южной стороне за атакующими воинами — ликующий болгарский народ, встречающий долгожданных освободителей. Памятник торжественно открыли в 1907 г., инициатором его создания стал ополченческий болгарский комитет, а первую премию в объявленном международном конкурсе выиграл итальянский скульптор Арнольдо Цоки, который и воплотил в камне идею болгарской признательности русским.

В парке музея «Освобождение Плевны» есть еще одна скульптурная композиция во главе с Александром II и целая галерея памятников русским генералам, открывают которую бюсты Александра II и главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича Старшего, установленные в 1937 г. Далее идут памятники генералам И. В. Гурко, М. Д. Скобелеву (второй бюст в парке-музее памяти генерала), Э. И. Тотлебену. Они были установлены в 1957 г. в связи с 80-летием освобождения Плевны. В шести километрах от города вновь возведен «вал Тотлебена», поставлен еще один памятник этому прославленному генералу (1962).

И множество скромных обелисков, надгробий полковникам, капитанам, поручикам, нижним чинам, поименованным и неизвестным, свидетельствуют, сколь тяжело доставалась болгарская свобода.

Три тяжелейших штурма Плевны, переход из рук в руки освобожденных городов, к примеру Ловчи, где происходила безжалостная резня турками местного населения, бои за Шипкинский перевал, Баязет, Ардаган, Карс и другие кровопролитные операции — заставили иначе, без эйфории и экзальтации увидеть войну как войну, а не как мечту-идею, какой рисовалась она пылким воображением начальных рассуждений. К болгарским селякам была обращена прямая угроза от главы турецкого мусульманского духовенства: «Помните, что вода с берегов сбегает, а песок остается...» И болгары «вняли» этой угрозе — отношения к «русите» стали холоднее, продовольствие пряталось, в проводники через горы охотников не находилось. Не было уже прежнего ликования и возгласов «добре дошли». Потери «русите» увеличились.

Двадцать шесть памятников встали у Шипки, 26 — в Плевне, 32 — в Плевненском округе, 6 — в Никополе, 12 — в Гривице, 13 — в Ловече, 39 — в Софийском округе. Этот пока далеко не полный русский военный пантеон сооружался в основном сразу же после боев и отмечал крестный поход

София. Памятник Царю-Освободителю Александру II

Освободительной армии. Братские могилы зачастую обустроивали оставшиеся в живых однополчане. Памятники, кресты, мемориальные доски устанавливались Русским Военным министерством, позднее комитетом «Царь Освободитель Александр II» и благодарными болгарскими, имена которых по большей части остались неизвестными. Но одно имя — Стоян Заимов — хорошо знают и помнят в Болгарии. Стоян Заимов, болгарский ополченец и глава Ополченческого комитета, прошедший все тяготы войны вместе с русскими солдатами, подвижник идеи славянского единства, явился первым строителем памятников признательности российскому воинству и народу освобожденной Болгарии. Он же стал строителем еще одного заповедного исторического парка-музея, названного именем генерала М. Д. Скобелева. Парк объединил в себе многие плевенские памятники и могилы. У главного входа в парк поставлены два русских орудия из царской батареи Александра II. Это те самые пушки, которые стреляли с радишевских высот во время третьего штурма Плевны.

Русские пушки вообще во множестве встречаются на полях прежних битв и давно стали характерным памятным знаком свободы Болгарии.

На многочисленных братских могильных плитах краткие сводки потерь, слова скорби и благодарности: «Братская могила 389-ти нижних чинов 1-й бригады 16-й пехотной дивизии...»; «61-го пехотного Владимирского полка 200 человек; 62-го пехотного Суздальского 189 человек...»; «братская могила 155 нижних чинов 7-го пехотного Ревельского полка...»; «Братская могила 853 человек нижних чинов 1-й бригады 30-й пехотной дивизии; 117-го пехотного Ярославского полка 475 человек; 118-го пехотного Шуйского полка 378 человек»; «10.XI.1877. И тираны и оковы русский навеки разбил. Пал Плевен! День Великий!»; «Болгарин, смиренно опусти голову и почти память скобелевских героев, погибших за нашу свободу»; «Поклонись, Болгария, могилам, которыми ты усеяна».

Родные и близкие русских воинов, погибших в Болгарии, начали посещать дорогие могилы и устанавливать памятники сразу по окончании войны. Первым стал памятник Свободе, который изготовили в Одессе и в 1879 г. воздвигли на Александровской площади в Плевне в память нижних чинов и офицеров, погибших во время второго ее штурма. На восьмигранном мраморном постаменте установлена женская фигура, символизирующая свободную Болгарию, опирающаяся на якорь, символ надежд болгарского народа, связанных с Россией-Освободительницей. На всех гранях имена и портреты погибших...

Плевна — это три штурма, многомесячная блокада крепости, тысячи погибших русских героев и, наконец, пленение Осман-паши.

8 июля 1877 г. малочисленный отряд русских воинов столкнулся с турецкой армией. Войска не были готовы к атаке и понесли большие потери: один генерал, семьдесят четыре офицера, около трех тысяч нижних чинов. Это было названо «первой Плевной».

18 июля 1877 г. — «вторая Плевна» — штурм города под общим командованием генерала Н. П. Криденера. Действия не были согласованы, и лишь наступившая ночь спасла русских от полного разгрома. Потери огромные:

один генерал, сто шестьдесят восемь офицеров и свыше семи тысяч (!) нижних чинов.

27–31 августа случилось самое кровопролитное сражение — «третья Плевна». Туркам удалось удержать крепость, русские перешли к блокаде крепости и захоронению убитых: два генерала, двести девяносто пять офицеров, свыше двенадцати тысяч нижних чинов!

Плевна пала только 23 ноября 1877 г.

Среди множества могил в Плевне был воздвигнут Мавзолей, посвященный памяти тридцати одной тысячи погибших русских и семи с половиной тысяч румын. Строительство вел комитет «Царь Освободитель Александр II», инициатива принадлежала Стояну Заимову, первый камень заложили в 1903 г., а торжественное открытие состоялось 3 сентября 1907 г. Постройка представляет собой мавзолей-часовню во имя Святого Георгия Победоносца. В нижнем подземном этаже находится усыпальница. В трех нишах с каждой стороны по одному мраморному саркофагу, где покоятся останки русских и румынских солдат.

Есть в Плевне и скромный обелиск на братской могиле командира и офицеров 1-й бригады 16-й пехотной дивизии, погибших во время третьего штурма. На мраморной плите среди фамилий значится ротный командир майор Федор Горталов, который отказался покинуть редут, занятый ценой огромных потерь солдат его роты. Такие командиры, помнящие суворовскую науку побеждать, обычно решали исход операции в самые ее критические моменты. Отказ роты Горталова покинуть редут вдохновил и остальных солдат к мужеству и стойкости.

В Плевне, в округе ее и по всей Болгарии есть насыпные курганы с устроенными внутри склепами, которые хранят останки русских солдат. Один такой курган Победы есть у села Ясен (Плевненский округ), другой — в м. Асеновы Поля в долине реки Вит, где была разбита и взята в плен армия Осман-паши. На курганах обычно рядом с крестами стоят и русские боевые орудия.

Шипка и Балканский перевал — два географических болгарских названия, ставшие легендарными местами битв и русскими военными некрополями, объединенными в национальный парк-музей «Шипка-Бузулуджа». Известный всем памятник Свободы, венчающий одну из горных вершин и воспринимающийся как продолжение ее, был торжественно открыт в 1934 г. Это пирамида, выполненная из местного камня доломита, высотой 31,5 метра, хранит в саркофагах подвального этажа останки трехсот семнадцати русских героев и болгарских ополченцев. На мраморной доске надпись: «Болгарин, склони голову перед этим святым местом, заветным памятником вечной дружбы между болгарами и русскими, увенчавшими своей кровью нашу победу». Вся Болгария собирала деньги на этот памятник.

Склоны окрестных гор усеяны русскими памятниками. Но, видимо, нигде более не встретить такие названия, как «Большая батарея», «Малая батарея», «Стальная батарея», «Горная батарея», «Круглая батарея». Длинные ряды русских орудий безмолвно свидетельствуют о былых сражениях, кре-

сты и обелиски — о пролитой крови, памятные доски красочно и взволнованно рассказывают о незабываемых подвигах: «Лавиной спускались свирепые турки с противоположных вершин, но здесь по-стальному твердо их встречала Стальная батарея...»; «Тут стояла славная Малая батарея с командиром штабс-капитаном Пеуновым... Батарея картечью косила врага, поднявшегося в ночную атаку...»; «Посмотрите, вдали неразличимы вершины Малый Бедек, Демиртепе, Малуша, но русские снаряды долетали туда. Центральная батарея поручика Поликрапова 9 августа своим огнем уничтожала беспощадно атакующих турок...»; «Отсюда с легендарного верха Шипки Круглая батарея полковника Бенецкого извергала непрерывный огонь про-

Шипка. Вид на Большой русский памятник

тив врага... Стоя во весь рост на бруствере, полковник Бенецкий командовал своей батареей и пал, пронизан вражеской пулей...». Похоронили героя-полковника Л. П. Бенецкого в центре города Габрова, неподалеку от церкви Пресвятой Богородицы...
Все русские батареи, принесшие свободу Болгарии, были восстановлены болгарями в 1957 г.

3 марта 1878 г. война была завершена. «Великое беспримерное дело совершено вами, — говорилось в приказе главнокомандующего Дунайской армией Великого князя Николая Николаевича Старшего. — Суровая зима с трескучими морозами не остановила вас. Вы карабкались на скалы, зарывались в снег, заледенелые, обрывались на острые камни, без хлеба, без огня, лезли вперед, тащили на своих плечах орудия, били и полоняли врагов. Там, где и привычные горцы не могли проходить, прошли русские полки, водрузили русские знамена. Каждый исполнил свой долг бодро, честно и безропотно. Весь свет удивился вам!»

Оставшиеся в живых герои-воины, свято исполнившие свой долг, достойны были и этих слов, и всяческих наград. «Всему свету» не было до них дела. Оплаченную великой кровью русскую победу, Европа, опасаясь усиления авторитета России на Балканах, постаралась всячески приуменьшить, однако это было хоть и горько, но ожидаемо.

Куда более тяжелым было лицемерие поступков только что освобожденных «братушек». Еще до войны (1872) они разорвали единство со Вселенским Патриархом, на что русская общественность в пылу «сентиментального болгаробесия» (по выражению К. Н. Леонтьева) почти не обратила внимания. Собираясь на войну для освобождения православных братьев, «непатриотично» было признавать, что братья-то раскольники. В славянофильской риторике создания всеединого славянского государства с Россией (и только с ней!) во главе и вовсе не было замечено, что болгар-

ские политические стратеги мечтали «окрестить султана, слиться с турками, утвердиться в Царьграде и образовать великую болгаро-турецкую державу, которая вместо стареющей России стала бы во главе славянства!»! Как это далеко от заветного желания православного русского человека войти в Константинополь и возвести крест на Святую Софию! Уже в 1881 г. князь Болгарии Александр Баттенберг совершил государственный переворот и разорвал конституцию, которую получила страна благодаря России. А вскоре и сам он был низложен в результате заговора. К власти в новой Болгарии пришли откровенно антироссийские силы.

Писатель-пророк Ф. М. Достоевский так отозвался об этом: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда не было, таких ненавистников и клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освобождает, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать на нее... Особенно приятно для освобожденных славян высказываться и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чисто славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации...»

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью...»

А между тем Болгария отпустила всякие тормоза. Дипломатические отношения с Россией были разорваны. Но прав оказался Достоевский: очень скоро Болгарии потребовалась помощь не помнящих зла русских. И в 1908 г. опять Россия вступится за «братушек» и сыграет главную роль в провозглашении полной независимости для болгарского государства.

В это весьма бурное время болгарского «государственного взросления» началось строительство одного из главных символов освободительной войны: в столице Болгарии в 1902 г. начал возводиться храм-памятник Святого Благоверного Князя Александра Невского. Споры по поводу имени храма начались еще при рождении самого замысла — в 1879 г. Некоторым наиболее антироссийски настроенным болгарским лидерам очень хотелось утвердиться за счет народного порыва, и они стали отстаивать мнение, что храм должно посвятить именам Святых Кирилла и Мефодия. Несомненно, в России высоко чтились и чтятся учителя словенские. Но молитвами Св. Александра Невского руководилось в этой Освободительной войне все русское воинство, принесшее столь обильные жертвы для вызволения своих православных братьев. И опять Россия мудро и достойно разрешила этот спор. На южной стороне у входа в храм на мраморной доске сияет надпись: «Воздвигнут и был украшен этот величественный храм Св. Александра Невского с престолами Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия и

Святого Царя Бориса(!) ... с усердием и добровольными пожертвованиями всего болгарского народа...»

Храм был построен только к 1912 г., освятить его не успели: вскоре грянула новая война — Первая мировая, — и Болгария оказалась на стороне противников России...

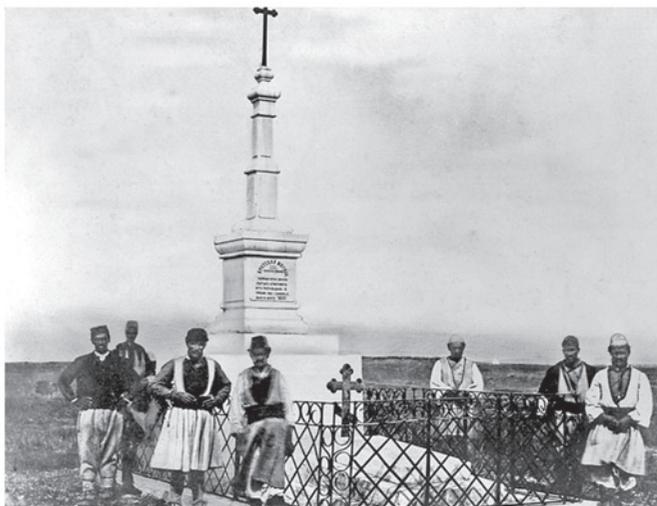
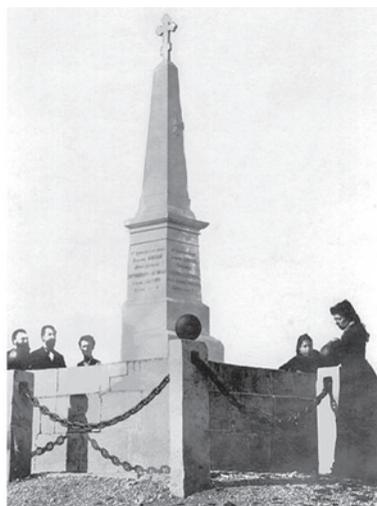
Среди простых болгар, хлебнувших сполна турецкого владычества, далеких от политических интриг, запечатлелось незамысловатое отношение к «русите». Это был «дедо Иван», который «пришел сам, на свой счет, пролил свою кровь, лег костями, освободил их и не тронул чужого волоса, ушел домой, поблагодарив освобожденных за хлеб, за соль»... (Г. И. Успенский).

Да что уж нам Болгария, когда наше общество, разочарованное подлинными братьями-славянами, а не выдуманскими литературными Рудинскими и Инсаровыми, не почувствовало страшных перемен, принесенных с Балкан и незаметно возросших в Отечестве. Сразу после победоносной войны началась страшная и безжалостная «охота» на Царя — не жестокого и бессердечного притеснителя своего народа, а на Царя-Освободителя, реформатора, возродившего и преобразовавшего Отечество. И 1 марта 1881 г. в своей стране, в своей столице среди бела дня он был расчетливо и коварно убит нелюдью. Россия начала буквально наводняться бесами всех мастей. Довоенные Высшие женские врачебные курсы, давшие первых русских женщин-врачей, совершивших подвиги милосердия в Болгарии, правительство вынуждено закрыть из-за распространившихся среди курсисток народовольческих идей... В 1882 г. при весьма странных обстоятельствах умирает герой Плевны и Шипки, прославленный «белый генерал» Михаил Скобелев, известный своими резкими и твердыми высказываниями в защиту России и русского народа...

«Нет, видно, правда, что истина покупается лишь мученичеством», — окончательно прозревает Ф. М. Достоевский.

И что же значат все эти тысячи и тысячи жизней русских поручиков, капитанов, майоров, докторов, фельдшерниц, сестер милосердия, нижних чинов, в большинстве своем безымянных? Неужто напрасны были святые жертвы и скоро нераспознаваемы станут русские кресты на болгарской земле? Пока они еще хранятся, где-то с неподдельной любовью и благодарной памятью, где-то с откровенным равнодушием. Но это их — болгарское — дело. А нам бы осмыслить, наконец, наше отношение к той истории, которая все еще хранит не востребованные современниками ответы на самые серьезные вопросы.

Болгары нынче празднуют 130-летие своего Освобождения, своей возобновленной государственности. Мы же должны признаться себе, что с тех пор как Россия перестала называться именно Россией, с 1918 г., уничтожив и предав забвению всякое упоминание о ее былой славе, так и не приступили еще к реанимации своей памяти. Какая была замечательная идея — сразу после окончания Русско-турецкой войны создать единый свод мест захоронения всех русских воинов, начиная с 1700 г. При Артиллерийском му-

Памятники на братских могилах павших в боях за Плевну.
Фотографии конца XIX века из собрания Трофейной комиссии

зее собралась Трофейная комиссия, начавшая работу поездкой в Болгарию и фотофиксацией военных могил. На тот момент рассеянное по всей Болгарии русское кладбище стало самым огромным воинским пантеоном в Европе. В короткое время сложился бесценный архив, который с 1918 г. стал безжалостно уничтожаться. И этот процесс продолжался еще до недавних пор: в 1980-е гг. уникальные фотографии (часть которых иллюстрируют этот очерк) выбрасывались попросту... на помойку!

Об этой войне, слава Богу, написано немало. Но пока почти нет памятников на русской земле. Не приживаются и робкие призывы восстано-

вить мемориалы, памятники, могилы славных русских героев, сознательно уничтоженные во время октябрьского переворота. Да и в Болгарии процесс разрушения русских могил и крестов, никому, по сути, не нужных, тоже нарастает. Поддерживаются в основном лишь те, что являются визитной карточкой городов и сел, имеют туристический спрос. В 2003 г., когда праздновалось 125-летие Освободительной войны, болгары Иоанна Клисарова-Климова и Николай Клисаров задались целью разыскать все существующие могилы и памятники и насчитали только двести пятьдесят, тогда как официально заявляется о четырехстах пятидесяти. Собранные материалы взялся издать «Союз русских белогвардейцев и их потомков в Болгарии», возглавляет который вот уже много лет Леонид Евгеньевич Ходкевич. В 2006 г. Л. Е. Ходкевич повторил издание на русском языке. И этот далеко не полный свод, снабженный весьма краткими описаниями, с нечеткими, да еще и испорченными плохим типографским исполнением фотографиями, является пока единственным источником, по которому можно представить себе, каков он — этот русский некрополь времен Освободительной войны.

Но как сохранить его и многие тысячи других могил русского рассеяния?

Будут ли новые поколения помнить русские кресты, знать, отчего они появились на болгарской канве, передавать из поколения в поколение повествование о русском солдате, которому была вверена честь Отечества, и он ее не посрамил?

Будет ли непререкаема аксаковская формула, что во все времена — «подвиг свят и праведен порыв»?

** Несколько десятилетий подряд один из известнейших храмов нашего города Спас-на-Крови можно было видеть только в реставрационных лесах. А когда его открыли — сияющий, прекрасный, обновленный, он, лишенный уже своей святости, ради которой и был возведен, оказался лишь дорогой шкатулкой: умышленно или по какой другой причине реставраторы заменили треснувшую от взрыва той мартовской бомбы плиту, на которую пролилась кровь Императора Александра II.*

Отлитую недавно заново и восстановленную на прежнем месте колонну Славы в Петербурге, как и помпезно воссозданное бетонное подобие храма Христа Спасителя в Москве, — одним словом, лишенные своей истинной сущности «новоделы» и амбициозно возвращенные к жизни имперские символы автор очерка пока не находит возможным принимать за настоящее возрождение памяти.